

Лана Вейлд

СТАВКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лана Вейлд

Ставка

<https://litres.ru/74040209>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шарлотта Уайт — дочь лорда из одной из самых влиятельных семей Англии. Балы, приёмы, помощь служанок перед выходом в свет — так выглядела её жизнь ровно до того момента, как отец проиграл её в карты загадочному Джулиану Грейвуду.

Она становится служанкой в поместье Грейвудов.

В этом доме с ней произойдёт невероятное количество удивительных приключений. Скандалы, интриги, расследования — теперь это её новая реальность. Шарлотте предстоит забыть о прежней жизни и научиться существовать по другую сторону всего, что она когда-то знала.

А сам Джулиан ведёт себя всё загадочнее. Кажется, у него есть свои причины держать Шарлотту рядом. Что скрывает Джулиан Грейвуд? Удастся ли Шарлотте выжить в доме, где каждый шаг может оказаться ловушкой?

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лана Вейлд

Ставка

Глава 1

Лёгкий стук её шагов, непривычно громкий и одинокий, эхом разносился по огромному, слабо освещённому коридору. Казалось, старинный дом из камня и мрака дышал холодом и пылью, наблюдая за ней. Стены, увешанные портретами давно усопших предков с их осуждающими взглядами и поблекшими от времени гобеленами, будто впитывали в себя мрак десятилетий, создавая ощущение застывшего времени и немного укора. Её простая белая сорочка из тонкого, почти прозрачного хлопка струилась по полу за спиной подобно призрачному шлейфу не случившейся свадьбы, едва не задевая пыльный, скрипучий паркет, хранящий следы бесчисленных шагов прошлого. Тёмные волосы, наспех собранные в небрежный пучок на затылке всего несколько минут назад, уже норовили распасться, высвобождая непослушные, цепляющиеся за шею пряди при каждом неверном движении или ускорении шага, словно стремясь скрыть её уязвимость.

Повернув направо, туда, где заканчивался коридор, она зашла за угол и направилась к вершине длинной и широкой лестницы. Полированное тёмное дерево ступеней тускло по-

блѣскивало в скудном свете редких настенных светильников. У самого подножия лестницы, высеченные из мрамора статуи, стояло несколько мужчин в идеально подогнанных тѣмных костюмах. Их фигуры казались абсолютно неподвижными и безликими, источающими ауру недоброй силы и угрозы. Воздух вокруг них был тяжѣлым и наэлектризованным, точно перед грозой, и это едва уловимое напряжение заставило Шарлотту замереть на секунду, прежде чем начать медленный и нерешительный спуск по скрипучим ступеням.

С самого начала этот день решил испытать её на прочность, и люди, ожидавшие внизу, были тому подтверждением. Началось всё с того, что она безнадёжно опоздала на утренние занятия по верховой езде с мистером Торном — старым, сутулым конюхом с вечно недовольным, сморщенным лицом, чьи слова всегда были «острыми». За опоздание она, разумеется, получила холодный, презрительный выговор от экономки. Шарлотта терпеть не могла подобных ситуаций. Затем, спеша наверстать упущенное и доказать свою состоятельность, она дважды упала с лошади, извалявшись в липкой, вонючей грязи, и, отведя животное в стойло, быстрым шагом направилась обратно в свою спальню, чтобы хоть как-то скрыть следы этого позора и привести себя в порядок. Из-за случившегося она совершенно не успела не то, что победать — даже взглянуть на еду. Желудок до сих пор издавал тихие, протестующие звуки, напоминающие о голоде и общей неустроенности. В библиотеке, её типичном убежище

от мрачной реальности этого дома, она не смогла найти свою любимую книгу — толстый том с пожелтевшими, пахнущими стариной страницами, обещавший унести её в мир, далёкий от давящей атмосферы. И вот, измотанная до предела, голодная, растрёпанная и чувствующая себя совершенно ничтожной, она с горем пополам добралась до своей спальни, мечтая лишь провалиться в глубокий, спасительный сон, который стёр бы из памяти этот ужасный, бестолковый день. Но всё произошло совершенно не так, как она планировала.

Шарлотта никогда не ладила со своим отцом, мистером Уайтом. Их отношения всегда были натянутыми, полными недопонимания и невысказанных обид. Особенно после смерти матери, которая произошла двадцать пятого июля прошлого года, их связь, и без того хрупкая, оборвалась почти полностью. Отец изменился до неузнаваемости. Если раньше они могли хотя бы изредка собираться за одним столом для формальной трапезы или проводить вместе редкие выходные, совершая прогулки по поместью, то после случившегося их отношения начали с каждым днём меняться всё сильнее. Она виделась с отцом только на официальных мероприятиях или приёмах, на которые была обязана сопровождать его, или же случайно — проходя мимо малой гостиной во время его шумных застолий с друзьями, неизменно заканчивавшихся весьма нетрезвой попойкой. Она всегда жила в подспудном страхе, что он может поднять на неё руку. Этот страх был необоснованным, но реальным. Эконом-

ка, мисс Бэрроу, как-то обмолвилась, что в их кругу такое случается чаще, чем принято говорить, и мужчины, даже если ранее за ними не было замечено рукоприкладства, после серьёзных потрясений становятся максимально непохожими на себя прежних. Она явно намекала на то, какой тяжелой утратой стала смерть матери для их семьи и как сильно это надломило мистера Уайта.

Сейчас он, очевидно, пришёл домой после очередной игры в покер, которая, как правило, заканчивалась не в его пользу. Состояние семьи, некогда весьма внушительное, неизменно уменьшалось с каждым его «успешным» вечером, хотя иногда он, конечно, выигрывал — по крайней мере, так осторожно говорила мисс Бэрроу, пытаясь сгладить острые углы.

И вот Шарлотта стоит здесь, на площадке у лестницы, в двух шагах от входа в главную гостиную. Стоит только сделать один шаг вперёд, и она окажется в центре внимания всех этих незнакомых людей, которые сейчас сидят внизу и во все глаза смотрят на неё. Что им нужно? И почему ей даже не дали времени, чтобы привести себя в порядок и одеться в приличное платье, прежде чем вызывать посреди ночи? Чувство уязвимости в этой тонкой сорочке было почти невыносимым. Она была уверена, что её отец находится где-то совсем рядом, в стельку пьяный, и совершенно не в состоянии повлиять на происходящее.

Насколько позволяло напряжение в груди, она вздохнула

и попыталась собраться с духом. Сделав решительный шаг вперёд, Шарлотта начала спускаться по лестнице, оказываясь в огромном помещении гостиной. Её взгляд сразу же остановился в центре комнаты, где уютно расположившись в её любимом, обитом тёмно-зелёным бархатом кресле у камина, сидел мужчина. Она его раньше никогда не видела, но отчего-то его присутствие и облик необъяснимо и мгновенно привлекли всё её внимание.

На нём был идеально сидящий тёмно-коричневый костюм, сшитый, очевидно, на заказ, безупречно белая сорочка и лакированные туфли того же глубокого тёмно-коричневого цвета. Из-под штанин, слегка приподнявшихся из-за его расслабленной позы, выглядывали носки, подобранные в тон всей цветовой гамме, вероятно, из тонкой шерсти или шёлка. Он сидел, закинув ногу на ногу, с прямой спиной, и его взгляд, одновременно пронзительный и безмятежный, был направлен в её сторону.

Возникло странное и почти мистическое ощущение, что он не просто сидел там, а ждал именно её, знал, что она появится, спустившись вниз по лестнице, потому что кресло, несмотря на центральное положение в комнате, было слегка повернуто в её сторону, словно он специально занял эту позицию, чтобы иметь возможность увидеть её первой. По обе стороны от этого мужчины, чуть позади него, стояли ещё двое — те самые, одетые в чёрные классические костюмы, которых она увидела ещё находясь наверху. Они были абсо-

лютно неподвижны, с непроницаемыми лицами, словно статуи или женихи, застывшие в ожидании церемонии. Было очевидно, что это профессиональная и незаменимая охрана.

Медленно, слегка грациозно, мужчина поднялся с кресла, его движения были плавными и уверенными. Он посмотрел на Шарлотту, и в его взгляде появилось что-то строгое, даже оценивающее. Затем, подойдя к подножию лестницы, он вытянул руку перед собой ладонью вверх в широком, почти церемониальном жесте, предлагая ей свою помощь, чтобы она могла безопасно завершить спуск.

— Мисс Уайт, — произнёс он низким, бархатистым голосом, который, несмотря на свою мягкость, не оставлял сомнений в его власти и контроле над ситуацией. — Меня зовут Джулиан Грейвуд. И так уж вышло, что ваш отец проиграл вас в карты.

Застыв на месте, Шарлотта продолжала стоять на ступенях, словно парализованная, и в неверии уставилась на мужчину. Он говорил нечто абсурдное, но его слова будто пригвоздили её к месту. Ноги отказывались подчиняться, становясь словно деревянными. В груди билось дикое, неистовое сердце, возникло безумное желание броситься обратно в свою комнату, но возможности такой не было. В висках стучало, заглушая шум крови в ушах. Разум, охваченный паникой, лихорадочно перебирал любые, даже самые нелепые объяснения, пытаясь уцепиться за мысль о злой, изощрённой шутке.

Это ведь могла быть шутка? Может, это очередная выходка её отца? Его пагубные привычки и сомнительная компания в последнее время часто заводили его в тупик, заставляя терять связь с реальностью и переступать границы разумного, но чтобы такое? Или это месть? Мужчина выглядел её ровесником, может, чуть старше, но в его глазах не было юности — только холодный, отстранённый расчёт. На мгновение промелькнула дикая, почти непристойная мысль: не сын ли это одного из отцовских партнёров по игре, который пришёл забрать свою плату и теперь мстит за проигранное состояние, разрушая её жизнь?

От неверия и отчаяния её застывший взгляд был прикован к нему. Шарлотта изучала его безупречное в своих резких чертах лицо, лишённое даже тени сочувствия или человеческого тепла. Оно было словно высечено из холодного камня — буквально идеальное, безжизненное. Только когда глаза заслезились от сухости и зрение затуманилось, она невольно моргнула, на секунду отведя взгляд, но тут же снова уставилась на него, ища хоть малейший намёк на обман или колебание, граничащее с раскаянием. Но не было ничего — только ожидание её действий. Только ожидание.

— Это... это шутка? — вырвалось у неё едва слышно. Голос дрожал, казался чужим, слабым писком в наступившей тишине. Слова повисли в воздухе, бессильные перед его спокойным, уверенным ответом. Она повторила громче, с мольбой: — Мисс Бэрроу? Где мисс Бэрроу?

— У меня нет времени на болтовню, мисс Уайт, — холодно отрезал он, не допуская шуток и возражений. В голосе звучала окончательность, отрицающая любую возможность спора. — Вам придётся принять своё положение. Вы — товар, я пришёл забрать свою собственность.

Слова ударили с силой физического удара, выбивая воздух из лёгких. Товар? Она? Шарлотта? Дочь лорда, пусть и опозорившегося, утонувшего в долгах, но всё ещё лорда? Сама мысль была чудовищной и немыслимой.

— Вы... Вы ошибаетесь! — воскликнула она с отчаянием и праведным возмущением, которое, впрочем, тут же разбилось о стену его равнодушия. — Отец не мог... Он не мог так поступить! Он не мог продать меня, словно... словно животное! Это... Это незаконно! Это бесчеловечно!

На его губах появилась жёсткая, неприятная усмешка, лишённая малейшего намёка на веселье. Взгляд, до того простой и холодный, сверкнул расчётливым, хищным блеском, от которого по спине пробежал ледяной озноб. Он смотрел на неё как охотник на загнанную дичь.

— О нет, мисс Уайт, — сказал он с показательным, издевательским сожалением, растягивая слова и убирая руку, больше не предлагая ей помощи спуститься. — Условия вашей передачи таковы, что при покупке животного, скажем, скакуна с аукциона, у покупателя больше возможностей для осмотра и проверки. Ваше положение, увы, не предполагает таких привилегий. Вас приняли в том виде, в каком вы есть,

без гарантии возврата.

Разум отказывался верить, защищаясь от невыносимой и разрушительной правды. Голова кружилась, а в ушах шумело. Она закрыла глаза, отчаянно пытаясь убедить себя, что это лишь дурной сон, кошмар, порождённый стрессом, недосыпом и постоянным страхом за будущее, который последнюю неделю стал её неразлучным спутником. Ей почти виделось, как её несчастный, склонный к запоям, беспечный и непрактичный отец горланит оперную арию за закрытой дверью в гостиной, а мисс Бэрроу с непроницаемым лицом сутелится вокруг него, помогая снять пальто и предлагая крепкий чай, пытаясь хоть как-то удержать его в рамках приличия. Сон. Это просто сон, от которого она сейчас проснётся в своей холодной, но безопасной постели под крышей дома, который ещё вчера она могла назвать своим.

— Мне долго ждать? — голос Грейвуда стал жёстче, утратив даже ту тонкую, издевательскую вежливость. Если она вообще была.

Открыв глаза, Шарлотта увидела его взгляд. Он был резким, нескрываемо нетерпеливым и требовательным. Мужчина смотрел на неё как на досадную помеху, которую нужно устранить; будто она была вещью, за которой пришли, и её медлительность задерживала отъезд.

— Могу ли я... могу ли я хотя бы переодеться? — спросила она, едва осмеливаясь поднять на него глаза.

Острое, мучительное осознание непристойности и

неуместности своего нынешнего одеяния в присутствии посторонних мужчин, да ещё в таких обстоятельствах, жгло её. Это был последний отчаянный порыв сохранить хоть крупицу приличия и каплю гордости. Оценив её жалкий, неприглядный и совершенно неподходящий для путешествия вид, он позволил себе холодную, неприятную усмешку, которая даже не достигла его глаз.

— Грант, — обратился он к одному из стоявших позади мужчин, чья массивная фигура внушала невольный страх. — Проследи, чтобы мисс Уайт не вздумала сбежать или совершить ещё какую-нибудь глупость.

Сделав едва заметный жест головой в сторону Шарлотты, мрачный субъект внушительной комплекции, выглядевший ощутимо старше неё и весьма устрашающе, с лицом, высеченным из камня, шагнул вперёд, поднимаясь на ступеньку ниже неё. Взгляд из-под его нависших бровей был тяжёлым, оценивающим и пугающим, отчего по спине пробежал ледяной холодок. Когда он поднялся по ступеням, сократив расстояние между ними, она с болезненной, пронзительной ясностью осознала, насколько легко этот человек, обладающий такой физической силой и, судя по всему, не обременённый нежными чувствами, мог причинить ей вред.

В эту секунду отчаяния хотелось, чтобы рядом была мама — её разумная, практичная, сильная духом мать, которая всегда знала, как поступить в любой ситуации и найти выход. Она могла бы защитить её от жестокости и пошлости этого

мира, но, к сожалению, жизнь была к их семье жестока, подбрасывая всё новые испытания.

Легко, но с неоспоримой силой и непреклонностью Грант подтолкнул Шарлотту назад к лестнице, чтобы она начала подниматься наверх, к спальням. Мужчина, очевидно, ожидал, что она немедленно отправится туда, куда ей было указано, но её взгляд оставался прикован к лицу напротив — к этим необычайно бледным голубым глазам, лишённым всякого человеческого тепла.

Вздрогнув, она развернулась и скорым шагом, спасаясь от преследования, направилась в свою спальню. Как только она оказалась в собственной комнате, охранник проследовал следом и остановился внутри просторного помещения прямо у дверей. К её ужасу и полнейшему смущению, его массивная фигура полностью загородила проход, не сводя с неё глаз.

— Не могли бы вы... не могли бы вы выйти... сэръ? — робко и едва слышно спросила она, указывая на дверь. Её голос дрожал от страха и унижения. — Я не могу при вас переодеться... моё положение... я всё-таки леди...

— Переодевайтесь, — глухо, без тени колебания ответил он.

Его голос был лишён интонации, будто он был роботом, произносящим приказ. В нём не было ни жестокости ради жестокости, ни понимания — только холодная функциональность.

— Но... это невозможно! — воскликнула она с отчаянием и мольбой.

Это было последнее, за что она цеплялась — за правила приличия и незыблемые основы мира, который рухнул.

— Как леди, я должна... не оставляйте мне хоть каплю достоинства. Не заставляйте меня чувствовать... не заставляйте меня ощущать себя так.

Без слов, демонстрируя полное и абсолютное равнодушие к её мольбам, он развернулся к стене так, что она всё равно оставалась в поле его зрения, но лишь краем глаза. Его взгляд остановился на пыльном торшере в углу, внимательно вглядываясь в выцветшие обои за ним. Это давало Шарлотте хоть какую-то толику спокойствия — он смотрел куда угодно, но не прямо на неё. И всё же она чувствовала его присутствие и наблюдение каждой клеточкой своего тела. Воздух вокруг накалился и стал плотнее.

До боли стиснув зубы, Шарлотта поняла, что у неё нет выбора. Чувствуя себя обнажённой под его равнодушным, тяжёлым присутствием, она дрожащими пальцами расстегнула пуговицы на своей тонкой шёлковой сорочке и, не снимая её, начала натягивать плотные брюки. Как только пуговица застегнулась, она немного повела плечами, ощущая, как белоснежная ткань соскальзывает с них, и на мгновение замерла, обхватив себя руками — не столько от холода, сколько от острого, жгучего стыда, который волной накрыл её с головой. Она не смотрела на Гранта, боясь даже представить, что

он может повернуть голову, но в комнате, стало так тихо, что она слышала только собственное сбивчивое дыхание и стук сердца. Окончательно сбросив сорочку на пол, она в спешке, не глядя, схватила первый попавшийся тёплый свитер, стараясь как можно быстрее скрыть свою наготу и спрятаться за его плотной вязкой, будто это была её единственная броня.

В спешке, дрожащими под его взглядом руками, она завершила сборы, готовясь к долгому пути. Надела тёплые носки. На всякий случай накинула на плечи вязаный шерстяной платок, а затем, достав из шифоньера зимнее пальто, накинула его поверх. Начала обуваться, пытаясь зашнуровать прочные ботинки. Пальцы озябли, будто в комнате было открыто окно, и дрожали так сильно, что она едва их чувствовала. В её лицо дул леденящий холод, пронизывающий до костей. Шарлотта одевалась для долгого неизвестного пути, из которого, как подсказывало сердце, возврата не будет. Как будто прежней Шарлотты Уайт больше нет. С этой минуты она была лишь товаром, готовым к отправке.

Повернув голову, Шарлотта убедилась, что Грант по-прежнему неотрывно смотрит в сторону массивного торшера. Он застыл так, будто сам был частью этой комнаты — тёмный, тяжёлый, живой только тогда, когда выполнял приказ. Взгляд, насколько она могла судить, прикипел к пыльному абажуру, не выражая решительно ничего. Она не могла понять: застыл ли он в абсолютной бдительности или просто погрузился в монотонное ожидание, не считая её достойной

внимания. Это оставалось неясным, но краткая отсрочка дала ей возможность действовать. Пальцы хаотично заскользили по стоящей на небольшой полке сумке, нащупывая знакомые контуры телефона. Она быстро переложила его в глубокий внутренний карман пальто, чувствуя сквозь ткань твёрдый корпус. Рядом легли несколько смятых купюр — жалкий остаток прежней жизни, всё, что у неё осталось из карманных денег, которые казались теперь артефактами из другой реальности. Мысленно стараясь не корить себя за то, что держала все сбережения на банковском счёте, не заботясь о наличных, она проглотила горький комок обиды и продолжила сборы, добавляя несколько самых необходимых мелочей, которые могли пригодиться в неизвестности: упаковку влажных салфеток, средства гигиены, маленькое карманное зеркальце и старую фотографию мамы в серебряной рамке. Эти предметы стали вдруг не просто вещами, а якорями в этом шторме, символом её крошечной, отчаянной попытки сохранить хоть крупицу контроля над собственной жизнью.

Мысли о сопротивлении и попытке побега были не просто бессмысленными. Шарлотта понимала, что это было бесполезно. Она видела подавляющую физическую силу этого человека, ощущала исходящую от него ауру угрозы, настолько плотную, что та почти лишала её воздуха. Любое сопротивление было бы не просто бесполезным, а фатально опасным. Он мог бы обезвредить её, а мог бы нанести ей вред одним движением, словно раздавить букашку, не моргнув и глазом.

Эта холодная уверенность в его способности причинить вред пронизывала лучше любых цепей.

Почувствовав сквозь ткань пальто твёрдый контур телефона, едва слышное шуршание денег и лёгкое покалывание серебряной рамки, она сделала глубокий, маскирующий дрожь вдох. Сердце колотилось где-то в горле, но Шарлотта пыталась придать своему лицу спокойствие. Как только эта лживая уверенность начала проявляться, она повернулась к Гранту. Он всё так же стоял неподвижно, глядя на проклятый торшер, словно загипнотизированный. Создавалось впечатление, что он даже не дышит.

— Я готова, — произнесла она, стараясь сделать голос более твёрдым. Она сделала шаг вперёд, пытаясь держать спину прямо и вернуть себе хоть каплю утраченного достоинства, которого её лишили в одночасье. — Надеюсь, мой наряд соответствует случаю? — в её словах сквозил отчаянный вызов, попытка сохранить хотя бы малейшую иллюзию контроля. — Если бы я была гостьей мистера Грейвуда, вы, разумеется, понимаете, я бы оделась иначе, но боюсь, в сложившихся обстоятельствах это лучшее, что я могу предложить.

Взгляд Гранта наконец медленно скользнул по ней, встречаясь с её глазами лишь на мгновение. В нём не было ни тени эмоций, ни одобрения, ни даже малейшего осуждения. Пустота была почти осязаема — абсолютное равнодушие, которое обезоруживало сильнее любого презрения. Шарлотта поняла, что это было почти облегчением. Он не видел в ней

человека, которого стоило бы унижить или пожалеть. Она не представляла для него интереса как личность, лишь просто груз.

Дикое желание сорваться, выплеснуть на него всю свою ярость и страх, бросить в глаза что-то едкое, презрительное, вскипело с новой силой, но оно тут же разбилось о стену его непоколебимого безразличия. Ему было совершенно всё равно, что она думает и чувствует. Этот человек был не человеком в привычном понимании, а функцией, идеально отточенным инструментом для своей цели. В очередной раз взглянув на его застывшее лицо и не видя никаких признаков внутренней жизни, Шарлотта задалась вопросом: кто он такой?

Видя, как Грант сделал короткий резкий жест головой в сторону лестницы, негромко, но властно произнесённое слово прозвучало как приказ, не терпящий возражения:

— Спускайся.

Ноги сами сделали первый шаг, подчиняясь этому холодному голосу. Покинув свою комнату, она подошла к лестнице и, ступенька за ступенькой, как в тумане, начала спуск. Каждый скрип половицы старого дерева отзывался где-то внутри, напоминая о зыбкости её положения. Этот момент превратился в сюрреалистичное падение сквозь туман, где она не видела земли. Последний ли раз она спускается по этой лестнице, которая ещё несколько часов назад вела в гостиную её дома? Вернётся ли она когда-нибудь в это поме-

стве? И самый мучительный вопрос, который не отпускал ни на секунду, словно острый осколок в сердце: где её отец? В каком грязном притоне он сейчас пропивает последние деньги, забытый миром? Или, может, сидит за столом, равнодушно подсчитывая проигрыш и вычеркнув её из своей жизни так же легко, как сдаёт карты? Любил ли он её когда-нибудь, хотя бы немного? Или она была лишь досадной помехой для его спокойной жизни?

Как во сне Шарлотта спустилась по скрипучим ступенькам, оказавшись на холодном, пыльном полу гостиной. Огромный пустой объём комнаты встретил её равнодушной тишиной.

— Вперёд, — прозвучал снова низкий, лишённый эмоций голос, указывая направление к парадной двери, ведущей к улице.

Немногословный Грант снова подтолкнул её к выходу, на этот раз словом. В последний раз оглядевшись, Шарлотта уцепилась взглядом за знакомое продавленное кресло у камина, единственное, что казалось сейчас живым в этом опустевшем доме, хранящем отголоски прошлой, пусть и не всегда счастливой жизни. Не позволяя себе больше колебаться, не давая эмоциям взять верх, она переступила порог и покинула особняк. Шаг через порог был шагом к неизвестности, в мир, который теперь стал её единственной реальностью. Она оставила позади не только дом, но и всю свою прежнюю, пусть и искалеченную жизнь. Не зная, куда приведёт её эта

дорога, она старалась максимально держать себя в руках, совершенно не подавая виду, насколько эта ситуация могла её сломать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.